

РЕСТРИКЦИЯ ПРИ ДОПОЛНЕНИИ-СУЩЕСТВИТЕЛЬНОМ В РОМАНСКИХ ЯЗЫКАХ

(На материале французского, испанского, итальянского языков)

А. СТУОГИС

Рестрикция как лингвистическое явление, широко распространенное в языке, может направляться на все знаменательные слова. Иногда для этого требуется создание специфических условий (имеется в виду рестрикция при подлежащем и глаголах в личной форме), а иногда это делается просто и естественно (рестрикция при дополнениях).

Дополнение глаголу необходимо в различной степени. В грамматической терминологии нет терминов для обязательного и факультативного дополнения. Обязательное дополнение „вызвано“ значением самого глагола.

Ввиду того, что значение глагола полностью раскрывается сопровождающим его дополнением, этим объясняется частое распространение рестрикции на данный член предложения.

К примеру, возьмем обыкновенную фразу:

Je ne fume que des cigarettes (Courteline, Th., 260).

В случае рестрикции наблюдается разделение фразы на две части: первая, явно негативная, вводится отрицательной частицей *ne* и остается в неопределенном положении, вторая часть вводится *que* и противопоставляется первой. Рестриктивный оборот *ne... que* вставляет в рамку глагол. Общее понятие слова *fumer* при наличии частицы *que* оказывается ограниченным — „курить только сигареты“.

Как известно, рестрикция возникает в предложениях со своеобразной негативной атмосферой, т.е. в таких, которые, несмотря на присутствие *ne*, не обладают подлинным негативным значением¹. Первый элемент *ne*, являющийся отрицанием *par excellence*, сообщает собеседнику отрицательное понятие. Но на самом деле он только формирует это понятие, так как для полного его завершения необходимо появление второй части отрицания. В тот момент, когда собеседник ожидает полного завершения отрицательного понятия, частица *que* вносит новую информацию, ориентирующую нас на то, что мысль, вместо продолжения своего первоначального направления, его изменяет. Взамен ожидаемого отрицания возникает, наоборот, утверждение, притом подчеркнутое — определенный вид логического выделения, соотносенного с французским *mise en relief*.

Для того чтобы более отчетливо проследить путь образования рестрикции при внезапном прерывании намеченного отрицательного понятия, исполь-

¹ Yvon H. Les expressions négatives dans Mon Faust de Paul Valéry. — „Français moderne“, 1962, année 30, N 1, c. 27.

уем трансформации данной фразы, превращая ее в чисто утвердительную. Для исходной точки возьмем фразу-минимум, состоящую из двух частей — подлежащего и сказуемого.

Je fume.

В предложении имеются два члена. Глагол достаточно нейтрален, он может заключать в себе оттенок обобщения: *Je fume (en général) : je suis fumeur*. Для того чтобы полностью раскрыть значение предиката, т.е. конкретизировать его значение, следует ввести новый элемент — объект действия:

Je fume des cigarettes.

Отныне предикат уже оказывается уточненным, и прямое дополнение, относящееся к нему, его определяет. Каждое из этих двух понятий имеет свой собственный объем, только объем понятия *cigarettes* включается в объем понятия *fumer*; объем *fumer* является больше объема *cigarettes*, имея в виду, что помимо сигарет можно курить и что-то другое. Перед нами своеобразная первая степень рестрикции, пока еще не ярко выраженная. Когда мы говорим: *Je ne fume pas de cigarettes*, в объемах этих двух понятий не происходит никаких изменений, которые могли бы иметь место в отношениях между прямым дополнением и глаголом, управляющим им: отрицание разрушает отношения положительной атмосферы. Понятия *fumer* и *cigarettes* не входят друг в друга, а сосуществуют рядом, как бы взаимоисключаясь. Таким образом, перед нами возникает изменения связей, которые реализуются в предикате и, при введении нового элемента *que*, данные изменения делают возможным установление в предикате отношения такого состояния, которое называется рестрикцией.

Je ne fume que des cigarettes.

У каждого понятия имеется свой объем, но в данном случае исчезает несоответствие между объемами понятий *fumer* и *cigarettes*, они уравновешиваются. Объем понятия *fumer* является ни большим, ни меньшим объема понятия *cigarettes*, они совпадают. Рестрикция, исключая всякую другую возможность курения, приводит к тому, что объем понятия *cigarettes* совпадает с объемом понятия *fumer*, который в абсолютном смысле является более широким.

Как известно, дополнение может быть выражено разными частями речи, однако чаще всего выражается именем существительным. Ср.:

фр. *Je n'entendais que les coups de mon sang qui bourdonnait à mes oreilles. Je suis resté immobile* (Camus, Etr., 52).

исп. *No oía más que los golpes de la sangre zumbándome en los oídos y quedé inmóvil* (Camus, Extr., 34).

ит. *Non sentivo che i colpi del mio sangue che mi ronzava alle orecchie e sono rimasto immobile* (Camus, Str., 43).

Глагол *entendre* и его комплемент *les coups* связаны между собой, и существование этих отношений позволяет ввести рестрикцию, изменяющую данные отношения.

Примеры показывают, что соответствующие отношения между глаголом и его комплементом, равно как и рестриктивные средства, совпадают во всех трех языках. Небольшое отклонение наблюдается в испанском переводе

данной фразы, где присутствует количественное наречие *más*, в данном обороте теряющее свое семантическое адвербиальное значение „больше“ и являющееся лишь компонентом рестриктивного оборота, соответствующим скорее неопределенному прилагательному-местоимению *otro*.

Разбор данных примеров показывает, что итальянская рестрикция параллельна французской (в данном случае отмечается полное соответствие в обоих языках), в то время как испанская немного удаляется своей внешней формой, которая, однако, не имеет ничего общего с присущим ей значением.

Все вторые компоненты отрицания способны войти в состав рестриктивных оборотов, и каждый из них приносит свой собственный семантический аспект с ему присущим оттенком.

Включение наречия *plus* в рестриктивный оборот означает прекращение действия, выраженного глаголом, обрамленным *ne... plus que*. *Plus*, направляясь на рестрикцию и объединяясь с отрицательным понятием, содержащимся в рестрикции, становится утверждением со значением „отныне“ и уточняет состояние равновесия, начиная с данного момента. Рестрикция, неопределенная во временном отношении, при наличии *plus* уточняется, т.е. помещается во временные рамки. Отныне действие, выраженное глаголом, обрамленным *ne... plus que*, ограничивается распространением на один или два компонента или осуществляется только при условиях, указанных словом, которому предшествует *que*. Присоединение количественного наречия *plus* дает нам возможность предположить, что, по всей вероятности, действие раньше направлялось на другие компоненты или осуществлялось при других условиях, которые не были представлены как единственно возможные. Таким образом, *plus* обозначает начало рестрикции, тот момент, когда уравниваются объемы понятий глагола и его компонента. Ср.:

фр. *Je ne voyais plus que l'éclat de ses dents et les petits plis de ses yeux* (Camus, Etr., 110).

исп. *Yo no veía más que el brillo de sus dientes y los pequeños pliegues de sus ojos* (Camus, Extr., 71).

ит. *Non vedevo più altro che lo scintillo dei suoi denti, le piccole pieghe dei suoi occhi* (Camus, Str., 92).

Если мы исключим слово *plus* и соответствующие его испанский и итальянский элементы из данных фраз, станет ясно, что говорящий субъект „видел только блеск ее зубов и мелкие морщинки возле ее глаз“, но трудно определить, видел ли он это только в момент происхождения действия или еще раньше. Единственным указателем времени, притом довольно неопределенным, является глагол. Но когда говорящий субъект утверждает, что „*Je ne voyais plus que l'éclat de ses dents*“, подчеркивается именно временное понятие: в тот момент он видел только блеск ее зубов. Сейчас нам легко делать выводы по отношению к прошлому. Раньше, очевидно, говорящий субъект видел многое помимо „блеска зубов“. Слово *plus* указывает на то, что, начиная с определенного момента, он видел исключительно только „блеск ее зубов и мелкие морщинки возле ее глаз“. Таким образом, мы можем считать рестриктивный оборот *ne... plus que* своеобразной инкоативной рестрикцией.

Наречие *plus* в данном случае как будто совмещает в себе двоякую функцию: способствует выявлению аспектуального действия и тем самым более

четко выявляет объект, на который распространяется данное действие. Наличие *plus* еще более настаивает на том, что действие распространяется на единственный объект.

Испанская фраза в данном случае более нейтральна ввиду того, что наречие *más* в рестриктивном обороте потеряло свое собственное семантическое значение, и поэтому трудно определить, какой аспект подчеркивается в испанском предложении.

Однако испанский язык также располагает инкоативной рестрикцией, соответствующей французскому обороту *ne...plus que*. Как указывают Ж. Бузе и М. Лакост, формулой, означающей прекращение какого-нибудь действия или состояния, является *no...ya*, обрамляющая глагол или, наоборот, вариант *ya no* предшествующий глаголу. Иногда она усиливается присоединением *más*. Следовательно, рестриктивный оборот может предстать как *no ya...más que* или *ya no...más que*. Например:

*Ya no bebo más que agua*².

Присутствие элемента *ya*, являющегося аффирмативным, и частое его предшествование частице *no* отличает испанскую инкоативную рестрикцию от французской и итальянской.

Итальянская фраза равняется на французскую. Интересно отметить, что дополнение еще более выявлено присутствием *altro*, к которому в подобных случаях очень часто прибегает итальянский язык. Включение *altro* не принесит рестрикции ничего нового, кроме того, что уточняется объем глагола.

Испанский и итальянский языки при передаче французских рестриктивных оборотов очень часто используют синонимическое им по значению наречие или местоимение *solo*. Ср.:

фр. *Ils avaient tous beaucoup de peine pour moi et Céleste m'a dit: "On n'a qu' une mère"*. (Camus, Etr., 8).

исп. *Todos se condolieron mucho de mí y Celeste mi dijo: "Madre hay una sola"*. (Camus, Extr., 9).

ит. *Avevano tutti molta compassione per me e Celeste mi ha detto: "Di mamma ce n'è una sola"* (Camus, Str., 8).

В испанском и итальянском переводе рестриктивные отношения переданы тождественно, с использованием *una sola*. Следует обратить внимание только на само строение предложения. Во французском предложении использовано неопределенно-личное местоимение *on*. Автор, видимо, этим хотел подчеркнуть, что у всех в жизни „мать только одна“; он представляет обобщенное понятие. Переводчики приняли это во внимание, используя безличные обороты *hay* и *c'è*, хотя такое их употребление оказывается довольно странным. Обычно они используются для подчеркивания обстоятельства места, а в данном случае служат для выделения подлежащего. В испанском и итальянском вариантах данной фразы дополнение превратилось в подлежащее, хотя итальянское сочетание *di mamma* можно считать подлежащим только относительно, так как это семантическое подлежащее в широком понимании слова. На самом деле *di mamma* — партитивная конструкция, выполняющая функ-

² Bouzet J., Lacoste M. Précis de grammaire espagnole. Paris, 1958, p. 186.

цию дополнения. Поэтому и глагол *s'è* согласован не с ней, а с грамматическим подлежащим, функцию которого выполняет субстантивированное местоимение *una sola*. При буквальном переводе итальянской фразы на французский язык, она дала бы следующую трансформацию: *Des mères il n'y en a qu'une*. Подлежащее, которое вводится оборотом *il u a*, породняется с именной частью сказуемого. Родство с дополнением можно установить, сопоставляя фразу *Il u a un train à 6 heures* с другими обиходными формами: *J'ai un train à 6 heures*, которые нас приводят совсем близко к исторической природе выражения³.

От роли вводящего глагола презентатив *il u a* переходит к функции *mise en relief* подлежащего или дополнения, что является естественным, ибо он акцентирует то слово, о котором идет речь.

В испанском предложении с функциональной точки зрения *madre* является подлежащим, а *una sola* именной частью сказуемого. *Madre* употреблено без артикля, в чем проявляется более глубокое обобщение данного слова, а безличный оборот *hay* выступает очень рельефно и тем самым более четко подчеркивает тот факт, что мать бывает только одна.

Как видно из примеров, во французском и испанском предложениях происходит перемещение в синтаксических функциях: французское прямое дополнение *une mère* в испанском переводе очутилось во главе предложения и превратилось в подлежащее.

Влияние, которое оказывает *jamais* на рестрикцию, близко влиянию, оказываемому словом *plus*, имея в виду, что оба они являются наречиями времени. Присоединение слова *jamais* не приносит для рестрикции коренных изменений. *Jamais* влечет за собой только аспектуальный момент, указывая на то, что состояния равновесия между глаголом и его дополнением продолжается, начиная с неопределенного момента-начала до неопределенного момента-конца. Линия времени полностью занята рестрикцией. Иными словами, *jamais* придает рестрикции непрерывный, перманентный характер. Объемы глагола и его комплемента одинаковы. Если в предложении „*Je ne fume plus que des cigarettes*“ присоединение *plus* привлекает наше внимание на данный этап, который длится, начиная с какого-то определенного момента, и позволяет делать выводы по отношению к прошлому, присоединение *jamais* сообщает, что отношения между глаголом и его дополнением являются все время постоянными. Таким образом, предложение „*Je ne fume jamais que des cigarettes*“ означает, что я курю сигареты сейчас, курил в прошлом и буду курить в будущем. Слово *que* исключает возможность курить что-нибудь другое, помимо сигарет. В качестве доказательства приведем еще один пример. Например:

Je ne buvais jamais que de l'eau à cause de l'excitation trop vive que le vin causait à mes nerfs (Proust, Plaisirs, 179).

Рестрикция в данном примере направлена на партитивное дополнение *de l'eau*. Наличие *jamais* придает рестрикции категорический аспект, т.е. говорящий субъект утверждает, что он пил всегда только воду из-за определенных условий, указанных в контексте. *Jamais* информирует о ситуации говорящего субъекта до данного момента, так как глагол предложения,

³ Blinkenberg A. L'ordre des mots en français moderne, t. I. København, 1928, p. 83.

находящийся в прошедшем времени, не допускает каких-нибудь предположений об определении его ситуации по отношению к будущему моменту.

До сих пор мы исследовали случаи распространения рестрикции на прямое дополнение. Рестрикция равномерно подвергается и косвенное дополнение. Как указывает А. Н. Степанова, косвенным дополнением можно считать любую предложную конструкцию, которая занимает позицию валентности косвенно-переходного глагола, т.е. *prép.* + *N*⁴. В качестве доказательства мы приведем несколько примеров. Например:

Josée ne lui aurait pas prêté attention s'il était venu avec sa femme. Ou alors elle n'aurait parlé qu' à Nicole (Sagan, Dans un mois..., 29).

В данном примере рестриктивный оборот *ne...que* выделяет косвенное дополнение, выраженное именем собственным с предлогом *à*. Дополнение в данном случае необходимо для завершения семантики глагола *parler*. Без него неполным стал бы не только сам глагол *parler*, но и выявилась бы неполнота основной мысли (*l'incomplétude de l'idée principale*), как утверждает А. Сешэ⁵. Предлог *à* полностью десемантизирован, он служит только для оформления косвенного дополнения, соответствующего отношениям, передаваемым дательным падежом.

Parler с предлогом *à* предполагает только одушевленное существо, в то время как тот же самый глагол с предлогом *de* предполагает и одушевленное существо, и неодушевленный предмет. Например:

1. *Il ne nous parle généralement que de nous-mêmes au futur, avec les compliments que nous ne méritons pas* (Gallois, La fille..., 74).

2. *Il savait que Marie-Louise avait également commencé à apprendre ce métier de manucure, mais elle ne leur avait jamais parlé que de coiffure* (Clavel, Voyage..., 96).

В первом примере имеется глагол *parler à qn de qn* — он нам говорит только о нас самих. Косвенное дополнение, выделенное рестриктивным оборотом *ne...que*, выражено личным местоимением *nous* с сопровождающим его *même*, которое подчеркивает существо или предмет, о котором идет речь.

Во втором примере имеется *parler à qn de qch* — она всегда им говорила только о прическах. Косвенное дополнение выражено существительным *coiffure* с предшествующим ему предлогом *de*.

Аналогическое употребление *parlare di* + косвенное объектное дополнение встречается и в итальянском языке. Например:

Per tutto il paese non si parlava che del negozio dei lupini, e come la Longa se ne tornava a casa colla Lia in collo, le comari si affacciavano sull'uscio per vederla passare (Verga, Mal., 19).

Как обычно в подобных случаях, в итальянском языке понятию, на которое распространяется рестриктивный оборот *non...che*, предшествует *altro*, которое, будучи мужского рода единственного числа, приобретает значение местоимения среднего рода *altra cosa* и служит для уточнения объема глагола. Возвратная частица *si* соответствует французскому неопределенно-

⁴ Степанова А. Н. К вопросу о формальных критериях разграничения косвенного дополнения и обстоятельства в современном французском языке. — „Иностр. языки в высшей школе“, 1963, вып. 2. с. 20.

⁵ Sèchehayе А. Essai sur la structure logique de la phrase. Paris, 1926, p. 86.

личному местоимению *on*. *Si* используется для выражения неопределенного лица — кто-то говорил — и имеет обобщенное значение: во всей деревне говорили только о торговле люпином. В испанском языке, аналогично итальянскому, в подобных случаях также используется конструкция с возвратной частицей *se*.

Проведенный анализ показал, что направление рестрикции на дополнение не требует создания никаких специфических условий. Это делается естественным путем — глагол обрамляется рестриктивным оборотом, направляющим свое действие на последующее дополнение. Частое распространение рестрикции на дополнение объясняется тем, что значение глагола полностью раскрывается лишь в сопровождающем его дополнении. Рестрикция, которая распространяется на дополнение, является настоящей рестрикцией, ибо она направляется на член предложения, непосредственно связанный с глаголом (прямое дополнение).

СОКРАЩЕНИЯ

Camus, Etr.	— Camus A. L'étranger. Paris, 1957.
Camus, Extr.	— Camus A. El extranjero. La Habana, 1968.
Camus, Str.	— Camus A. Lo straniero. Milano, 1959.
Clavel, Voyage...	— Clavel B. Le voyage du père. Paris, 1965.
Courteline, Th.	— Courteline G. Théâtre. T. I. Paris, 1969.
Gallois, La fille...	— Gallois C. La fille cousue de fil blanc. Paris, 1964.
Prouste, Plaisirs ...	— Prouste M. Les plaisirs et les jours. Paris, 1924.
Sagan, Dans un mois	— Sagan F. Dans un mois, dans un an. Paris, 1957.
Verga, Mal.	— Verga G. I Malavoglia. Milano, 1939.

LTSR Valstybinė konservatorija
Kalbų katedra

Įteikta
1976 m. rugsėjo mėn.

LA RESTRICTION DANS LE SYNTAGME DU COMPLÈMENT-SUBSTANTIF DANS LES LANGUES ROMANES (français, espagnol, italien)

A. STUOGYS

Résumé

La grande fréquence des cas où la restriction porte sur le complément d'objet s'explique par le fait que le sens du verbe ne se révèle entièrement que dans son complément. Parfois le complément d'objet direct français ayant subi la restriction se transforme en sujet en espagnol et en italien. La restriction qui porte sur le complément d'objet direct est considérée comme authentique étant donné que ce dernier suit immédiatement le verbe.